
Г.П. Щедровицкий

Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание

СХЕМЫ МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ	
И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ.....	
СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ СТРОЕНИЕ, СМЫСЛ	
И СОДЕРЖАНИЕ СХЕМЫ МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	
ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО	
ДЕСТРУКТИВИРОВАНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ ФОРМ	
И СПОСОБ ВЫРАЩИВАНИЯ НОВЫХ ФОРМ СООРГАНИЗАЦИИ	
КОЛЛЕКТИВНОЙ МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	
Литература.....	

С момента выдвижения в 1954–1957 гг. специальной программы построения *теории мышления*, представленного как деятельность (см. [Щедровицкий, Алексеев [1957 b](#)], а также [Щедровицкий [1957 a](#), [1958 b](#); Щедровицкий, Алексеев, Костеловский [1960 c](#); Щедровицкий [1962 a](#), [1964 c](#), 1966 e, [1976 a](#); Schedrovitsky 1967 f, 1968 d; Щедровицкий, Розин 1967 e; Швырев, 1960]), и дополнения ее в 1959, 1962, 1963, 1967 гг. программой построения *теории деятельности* (см. [Лефевр, Щедровицкий, Юдин [1965 e](#); Щедровицкий [1966 a](#), 1966 d, 1967 a; Лефевр, Щедровицкий, Юдин [1967 g](#)], а также [Щедровицкий [1969 b](#), [1970 a](#), 1971 d, [1974 d](#); Сазонов 1980 a; Разработка... 1975]), основной целью и задачей методологических разработок в этих областях стало создание схем, изображающих целостные и полные *теоретические единицы мышления, знания и деятельности*. Это смещение сознательно фиксируемых целей и задач легко понять, если припомнить, что научное исследование (и этим оно в первую очередь отличается от всех других видов анализа) требует в качестве своего неперемennого условия и предпосылки выделения из общего «смыслового облака» понимающей и мыслительной работы ¹ *идеальных объектов мысли* и фиксации их в материале знаковых схем (ср. [Щедровицкий 1972 a; Щедровицкий, Дубровский 1973 c; Пробл. иссл. структуры... 1967: 35-41]).

Из множества разнообразных схем, построенных после 1954 г. и широко используемых в современной методологии, наиболее важными, можно сказать базовыми, в настоящее время являются четыре: 1) *схема многоплоскостной организации знаний*; 2) *схема воспроизводства деятельности*; 3) *схема трехслойного строения мыследеятельности*

¹ Р. Акофф называет это смысловое облако «проблемным месивом» (см. [Акофф 1985, 1982]).

(обозначается символом МД); 4) *схема организационно-технического отношения* и соответствующей ему организации МД, включающей в себя *шаг искусственно-естественного* развития систем МД. Но если по поводу первых двух схем был опубликован ряд статей, еще в период их разработки [Щедровицкий [1957 а](#), [1958 б](#), [1962 а](#), [1964 с](#); [1966 а](#), [1966 d](#), [1967 а](#); Щедровицкий, Алексеев [1957 б](#); Щедровицкий, Алексеев, Костеловский [1960 с](#); Лефевр, Щедровицкий, Юдин [1965 е](#); Лефевр, Щедровицкий, Юдин [1967 g](#)], то две последние, напротив, несмотря на широкое использование их в различных прикладных работах (см., в частности, [Щедровицкий [1983 а](#), Щедровицкий, Котельников [1983 с](#); Головяк 1986]), в качестве базовых схем современной методологии нигде еще специально не рассматривались. В этой работе мы попытаемся восполнить этот пробел и рассмотреть в теоретическом плане схему МД, предпосылки ее возникновения, системно-структурное строение, а также ее смысл и содержание.

Схемы мыследеятельности: предпосылки и условия возникновения

Чтобы выяснить, почему и как появилась схема МД, нужно прежде всего отметить, что с момента появления программы построения научной теории деятельности возник совершенно очевидный разрыв между схемами мышления и знаний, с одной стороны, и схемами деятельности — с другой. С этого момента научная теория мышления и знаний и научная теория деятельности начали развиваться в совершенно разных направлениях, каждая — на базе своих особых схем и, по сути дела, не взаимодействуя друг с другом. Это создавало особенно сложную ситуацию, потому что в первой программе построения научной теории мышления 1954-1957 гг. [Щедровицкий, Алексеев [1957 б](#)] объявлялось — и на этом ставился акцент, — что мышление будет рассматриваться не по содержанию движущихся в нем знаний, а именно как деятельность. В те годы считалось, что именно такой подход обеспечивает *процессуально-структурное рассмотрение мышления*, ортогональное к его частному объектно-предметному содержанию, позволяющее исследовать и описать, с одной стороны, *процедуры и операции мышления*, а с другой — типологически обобщенную и формальную *структуру знаний*. А через пять лет выяснилось, что анализ деятельности ведет совсем в другом направлении и сам может рассматриваться как ортогональный к анализу мышления и знаний.

И хотя закономерность и необходимость такого раздвоения были зафиксированы и прекрасно объяснены в работах Э.Г.Юдина [Юдин Э. 1976, 1978], где он разделил и противопоставил друг другу различные теоретические функции понятия деятельности (в частности, *категориально-объяснительную* и *предметную функции*), и такая возможность фиксировалась с самого начала обращения к анализу понятия деятельности [Щедровицкий [1966 а](#), 1967 а, [1969 б](#), [1970 а](#)], тем не менее многие

участвующие в этих разработках исследователи рассматривали этот разрыв² между представлениями мышления и представлениями деятельности и отсутствие конфигурирующих и соорганизующих их схем как весьма существенный недостаток концепции.

Поэтому начиная по крайней мере с 1962 г. шли непрерывные попытки решить эту проблему и найти схемы, конфигурирующие представления о мышлении и знаниях с представлениями о деятельности.

Эти усилия стимулировались и подкреплялись, с одной стороны, удачным конфигурированием представлений о речи, языке и мышлении, осуществленном в предшествующие годы [*Щедровицкий, Розин* 1967 е; *Генисаретский* 1970 а], а с другой стороны — непрерывным развитием формально-методологических представлений о конфигурировании как особом логико-методологическом приеме и успешным применением его в различных областях науки и технологии.

Весьма существенный вклад в анализ этой проблемы был сделан в начале 60-х годов О.И.Генисаретским, когда он, работая с многоплоскостными схемами знаний, показал огромную теоретическую и практическую значимость различения и разделения понятий смысла и значения не в традиционном огденовском смысле, а в ориентации на теоретико-деятельностное разделение и противопоставление синтагматических и парадигматических систем (см. [*Генисаретский* 1966 b], а также [*Щедровицкий* 1967 а]). По сути дела, таким образом за счет использования схемы деятельности О.И.Генисаретский показал на уровне работы со смыслами и значениями, как можно сохранить связь мышления с речью (ср. [*Щедровицкий, Розин* 1967 е]) и одновременно разделить представления о мышлении и языке, работая в сфере исторического развития языкового мышления (ср. [*Щедровицкий* 1967 а; *Щедровицкий, Розин* 1967 е; *Разработка...*, 1975]).

Во второй половине 60-х годов много сил в анализ этой проблемы вложили В.М.Розин и А.С.Москаева, но они пытались решить ее на уровне общих схем мышления и деятельности, а на этом уровне она, по-видимому, принципиально не имеет решения: нужно еще так трансформировать сами представления о мышлении, чтобы они удовлетворяли принципиальному разделению на синтагматическую и парадигматическую системы [*Щедровицкий* 1966 d, 1971 d; *Пробл. иссл. структуры...* 1967].

В начале 70-х годов, когда вновь вернулись к обсуждению представлений о мысли-коммуникации и о взаимоотношениях между процессами коммуникации и трансляции, в ряде работ [*Щедровицкий* 1974 а, 1974 d; *Schedrovitsky* 1971 i;] мне удалось ввести и детально проанализировать схему-конфигуратор, объединяющую представления о

² По поводу процессов и механизмов соорганизации и конфигурирования знаний и схем см. [*Щедровицкий, Садовский* 1964 h; *Щедровицкий, Розин* 1967 е; *Щедровицкий* 1984 а; *Schedrovitsky* 1972 b].

мысли-коммуникации и представления о процессах воспроизводства деятельности, но *чистое мышление* на схемах и идеальных объектах оставалось при этом в стороне и никак не входило в общую схему-конфигуратор.

Сейчас, ретроспективно рассматривая развитие этих исследований, остается лишь удивляться, насколько близко было конструктивное решение проблемы и насколько тривиальным и даже само собой разумеющимся кажется оно теперь, когда решение уже найдено. И тем не менее никто из участвовавших в работе не мог сделать последних решительных шагов и зафиксировать последние штрихи, необходимые для завершения работы.

Ситуация резко изменилась в самом конце 70-х годов, когда мы стали практиковать *организационно-деятельностные игры* (обозначается символом ОДИ) [Щедровицкий [1983 а](#); Щедровицкий, Котельников [1983 с](#); Зинченко А. 1983]. Новым и решающим моментом здесь оказалась необходимость обсуждать наряду с процессами и функциональными структурами МД также и их материальное распределение по отдельным участникам коллективной работы и обусловленную этим проблему соотношения между общим и различным в групповой и индивидуальной работе. Необходимость противопоставлять отдельного участника игры группе в целом по каждому интеллектуальному процессу — по мысли-коммуникации, по пониманию, по рефлексии, по мышлению и, наконец, по мышледействованию — как раз и оказалась тем важнейшим моментом, который в 1979–1980 гг. в ходе ОДИ-1, ОДИ-2 и ОДИ-3 сдвинул дело с мертвой точки. Особенно резко это выявилося в августе 1980 г. в ходе ОДИ-3: в процессе дискуссии в одной из игровых групп сложилась такая ситуация, когда один из участников общей работы в группе — М.Г.Меерович должен был во что бы то ни стало показать, что у него как молодого, или «нового», архитектора, несмотря на то что он участвует в общей коммуникации и должен участвовать в общем действии, совершенно другое содержание мышления, нежели у остальных членов группы, которых он называл «старыми» архитекторами. И, чтобы зафиксировать и сделать этот момент наглядным, М.Г.Меерович зарисовал на схеме, которая изображала расстановку позиций во время дискуссии и затем была названа *организационно-деятельностной*, рядом с каждым знаком позиции еще особую доску (или отдельный лист бумаги), на которой строились индивидуальные схемы содержания мышления, и наотрез отказался переносить какие-либо схемы со своей индивидуальной доски на общую доску группы и обратно — с общей доски на свою индивидуальную доску. В силу этого *индивидуальное мышление*, осуществляемое на индивидуальных досках (или листках бумаги), отделилось от *общегруппового процесса мысли-коммуникации* и получило свое собственное схематическое (и потому материализованное) обозначение и выражение (см. схему 1).

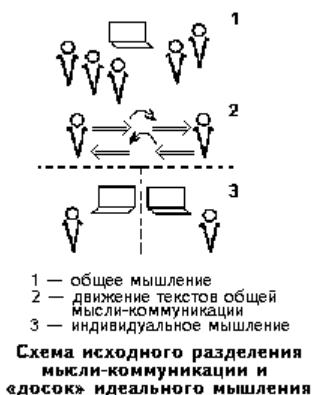

Схема 1

Впоследствии на базе этой схемы началось рефлексивное обсуждение вопроса о соотношении индивидуальных и общегрупповых моментов в коллективной работе: спрашивали, что именно из того, что должен разворачивать в своей и общей с другими работе М.Г.Меерович, может быть индивидуальным и специфическим, а что, напротив, обязательно должно быть точно таким же, как и у остальных членов группы. Таким образом, были последовательно проанализированы мысль-коммуникация, понимание текстов, интерпретации текстов в плоскостях «мыслительных досок» и интерпретации текстов в плане индивидуального и коллективно-группового действия во время выступления группы на общем заседании (см. [Щедровицкий, Котельников 1983 с]) и, наконец, разные формы рефлексии у разных членов группы.

Появление схемы МД можно отсчитывать от этой точки, так как в общих дискуссиях по этому вопросу было зафиксировано в коммуникативной и проблематизирующей формах все, что входит сейчас в схему МД, но сама схема еще не была нарисована. И только через месяц, в сентябре 1980 г., во время отчета игрового коллектива о происшедшем на игре и в ходе общей рефлексивной дискуссии, вся ситуация была еще раз воспроизведена, мыслительно проимитирована, обговорена во вторичной коммуникации и зафиксирована в принципиальной схеме (см. схему 2); именно в этом рефлексивном обсуждении полная и целостная схема МД впервые появилась в том виде, в каком она обычно употребляется сейчас.

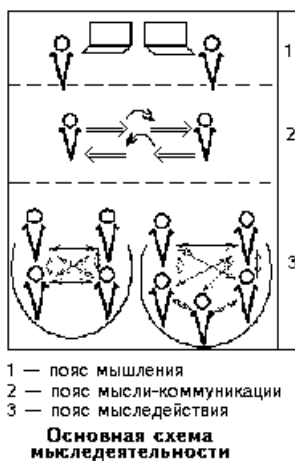

Схема 2

Интересно и, наверное, важно отметить, что по общей структуре и набору элементов эта схема во многом подобна тем схемам, которые использовались нами при обсуждении взаимоотношений организатора групповой работы с другими членами группы еще в 1964–1965 гг. (см. [Пробл. иссл. систем... 1965: 61-68]). Но эти последние, как легко выяснить, сличая схемы и сопровождающие их тексты, соответствовали совсем иным проблемным ситуациям и не несли того мыследеятельного смысла и тех интерпретаций, которые несла на себе схема, полученная в 1980 г. после ОДИ-3 (см. [Щедровицкий, Котельников 1983 с]).

Последнее замечание подчеркивает важную роль и значение «смыслового облака» общей работы, в котором рождается схема и которое она должна снять и выразить в себе, чтобы стать средством разрешения проблемной ситуации и продолжения безразрывного полифонического процесса МД. Сначала разные части и фрагменты общего «смыслового облака», сложившиеся в ситуации коллективной коммуникации, удерживаются отдельными ее членами за счет разных пониманий самой ситуации и рождающейся в ней схемы, и все они еще должны быть выявлены в ходе продолжающейся рефлексии случившегося и рефлексивной коммуникации по поводу ситуации и уложены (или, как часто говорят, упакованы) в саму схему за счет разных, специально вводимых в нее графем (или «фигур», по терминологии Л.Ельмслева). Затем все эти графемы, или фигуры, с закрепленными на них «кусочками» ситуативного смысла должны быть отнесены в парадигматическую систему деятельности и впервые оформиться и закрепиться в ней либо в виде соответствующих значений языка (включая и язык схем), либо в виде содержания знаний и понятий, удерживающих и фиксирующих *парадигматику мышления* [Щедровицкий 1974 а].

Этим заканчивается то, что принято сейчас называть *схематизацией смысла* мыследействительной ситуации и *идеализацией ее содержания*. А если затем схеме с ее содержанием приписывается статус самостоятельного существования, то мы говорим о появлении *идеального объекта*, который может стать *объектом исследования* и соответственно этому — фокусом и ядром научного предмета (ср. [Щедровицкий 1966 с, 1981 а, Schedrovitsky 1982 а; 1985 с; Разработка... 1975: 90-96]) и предметом собственно научных исследований.

Системно-структурное строение, смысл и содержание схемы мыследействительности

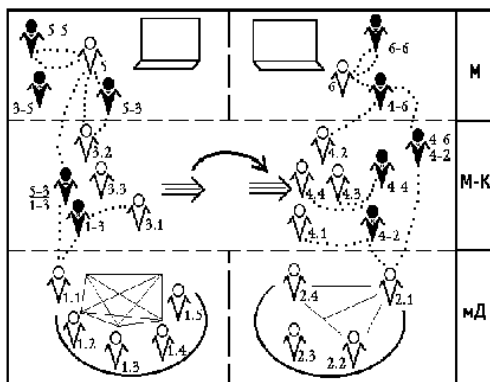
Основная принципиальная схема МД содержит три относительно автономных пояса, расположенных по горизонталям один над другим: 1) пояс социально организованного и культурно закрепляемого *коллективно-группового мыследействия* (обозначается символом мД), 2) пояс полифонической и полипарадигматической *мысли-коммуникации*, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах (обозначается символом М-К), и 3) пояс *чистого мышления*, развертывающегося в невербальных схемах, формулах, графиках, таблицах, картах, диаграммах и т.п. (обозначается символом М).

Центральным в этой трехпоясной системе является пояс М-К, так как именно он соединяет в одно целое правую и левую части схемы, а два других пояса могут рассматриваться как лежащие по разные стороны от оси М-К. Это принципиальный момент в плане определения места и функций М в системе МД и его отношений к поясу мД: каждый из названных поясов имеет свою специфическую *действительность*, которая может становиться тем местом, куда проецируется содержание других поясов, и, таким образом, основанием для автономизации и обособления каждого из них в *редуцированную систему МД*.

При таком рассмотрении действительность М оказывается вторым пределом, ограничивающим систему МД и лежащим как бы напротив действительности мД, разворачивающейся непосредственно на реально-практическом материале человеческой жизнедеятельности. И это обстоятельство точно соответствует тому, что мы можем фиксировать феноменально: плоскость доски или бумаги, на которой мы зарисовываем схемы, формулы, графики, таблицы и т.п., выражающие идеальное содержание М, противостоит, если рассматривать ее относительно оси М-К, реальному содержанию и миру мД.

Чтобы упростить схему, а вместе с тем и идеальный объект, на примере которого рассматриваются содержание и системное строение схемы МД, мы можем ввести вертикальную ось симметрии и таким образом выделить простейший случай монологического акта М-К (см. схему 3); тогда, чтобы зафиксировать и рассматривать более сложные случаи полилогической

организации М-К, придется вводить более сложные схемы, точнее отражающие особенности строения М-К в различных случаях. Точно так же для упрощения процедур идеализации и словесных пояснений на схеме 3 фиксируется не двусторонний диалог, а только односторонняя передача текста сообщения и за счет этого поляризуются функции участников диалога: один выступает как *мыслящий* в процессе коммуникации, а второй — только как *понимающий* (ср. [Щедровицкий 1974 а; Щедровицкий, Якобсон 1973 е; Schedrovitsky 1972 b]).

Рабочая схема мыследеятельности
Схема 3

Для каждого пояса МД на схеме вводится свой набор позиционеров как носителей и держателей соответствующих частных процессов, составляющих полифонию МД. В нижнем поясе это будут *мыследействующие* позиционеры: в левой части схемы — позиционеры 1.1, 1.2, 1.3 и т.д., а в правой — позиционеры 2.1, 2.2, 2.3 и т.д. Само разделение и определение ситуаций МД производится здесь относительно процесса М-К, а еще точнее — относительно акта передачи текста сообщения из одной ситуации в другую. В принципе ситуации МД могут как объединяться в одну ситуацию, и тогда акт М-К теряет свое самостоятельное значение и упаковывается в саму ситуацию МД в качестве частного ее элемента или связки, или же, напротив, резко и жестко разделяться, и тогда процесс М-К становится единственным процессом, связывающим и организующим все целое МД; в последнем случае на М-К накладываются дополнительные требования большей ее выразительности и информативности.

Формы и способы детерминации и соответственно организации процессов МД в различных ситуациях являются крайне сложными и разнообразными; здесь будет и *культурная нормировка*, характерная для всех воспроизводящихся систем [Лефевр, Щедровицкий, Юдин 1965 е; Щедровицкий 1966 а, 1966 d, 1967 а; Лефевр, Щедровицкий, Юдин 1967 g], и *социальная организация* [Генисаретский 1970 а], и *целевая детерминация*, характерная для всех актов мыследействия [Щедровицкий 1974 d; Сазонов

1980 а; Разработка... 1975], и *техническая или логическая детерминация* средствами, методами, техниками и правилами МД [*Щедровицкий 1964 а, Schedrovitsky 1966 j*; Пробл. иссл. структуры... 1967; *Акофф 1985, 1982*], и *детерминация так называемыми объективными законами*, характерная для всех предметных Е- и ЕИ-систем [*Лефевр, Щедровицкий, Юдин 1965 е; Щедровицкий 1966 а, 1967 а; Лефевр, Щедровицкий, Юдин 1967 г; Генисаретский 1970 а*], и т.д. Но это означает, что все системы МД будут *гетерогенными, гетерохронными и гетерархизованными* ИЕ-полисистемами и будут требовать соответствующего многостороннего и многопланового *системного описания, проектирования и программирования*.

В среднем поясе соответственно нам придется ввести *коммуницирующих позиционеров*: слева на схеме — выражающих мысль в вербальных текстах, а справа (по условиям упрощения и идеализации) — понимающих тексты и создающих благодаря этому пониманию *смысл ситуации и смысл принятого текста* [*Щедровицкий 1974 а, Schedrovitsky 1972 b*].

В зависимости от того, какие пояса МД замыкаются на текст М-К, в левой части схемы можно выделить три абстрактные позиции: 3.1 — в том случае, когда в тексте М-К выражаются какие-то аспекты и моменты ситуации мД, фиксированные в рефлексии этой ситуации; 3.2 — в том случае, когда в тексте М-К выражаются какие-то аспекты и моменты М, и 3.3 — в том случае, когда в тексте М-К соотносятся и связываются аспекты и моменты как мД, так и М. Аналогично для правой части схемы можно выделить четыре позиции понимающих: 4.1 — для того случая, когда текст М-К понимается за счет рефлексивного выхода в действительность мД; 4.2 — для того случая, когда текст понимается за счет выхода в действительность М; 4.3 — для того случая, когда при понимании текста М-К происходит сопоставление и разделение компонентов действительности М и действительности мД, и, наконец, 4.4 — для того случая, когда текст М-К понимается и осмысливается в собственно коммуникативной действительности.

Специально надо отметить, что пояс М-К практически не подчиняется различению правильного и неправильного. Он живет по принципам *полилога* (т.е. многих логик), *противоречий, конфликтов и проблематизаций*. Это всегда *поле борьбы и взаимоотрицаний*, которые только и придают М-К ее особый смысл и оправдывают ее существование в качестве особого пояса МД.

В верхнем поясе МД находятся *мыслящие позиционеры*. В условно-символической манере предложенной схемы позиционер 5 строит свое М на базе опыта собственного мД и опыта фиксации его в текстах М-К, а позиционер 6 строит свое М прежде всего на основе понимания чужих текстов (подкрепляемого опытом собственного мД и собственной М-К).

В отличие от всех других поясов МД пояс М имеет свои *строгие правила образования и преобразования единиц выражения* и законы, причем достаточно монизированные; это все то, что Аристотель называл словом

«логос», — все собственно логические правила образования и преобразования знаковых форм рассуждений, все математические оперативные системы, все формальные и формализованные фрагменты научных теорий, все научно-предметные «законы» и «закономерности», все схемы идеальных объектов, детерминирующих процесс М, все онтологические схемы и картины, все категории, алгоритмы и другие формы операционализации процессов М.

В зависимости от *способов понимающей интерпретации* все схемы, формулы, графики, таблицы и т.п. могут прочитываться и использоваться в процессах М либо как знаковые формы, изображающие идеальные объекты и идеализированные процедуры М, либо как сами идеальные объекты, мыследеятельные или природные, в которые «упирается» наша мысль. Как правило, в этих случаях предполагается, что между знаковой формой и содержанием, идеальным или реальным, существует *прямое соответствие, или «параллелизм»* [Щедровицкий, Алексеев, Костеловский [1960 c](#); Щедровицкий 1966 e, Schedrovitsky 1967 f, 1968 d]. Отказ от этого принципа порождает совершенно новые структуры *содержательного и методологически организованного* М, разветвляющегося в схемах *многоплоскостной организации и по принципу «многих знаний»* [Щедровицкий [1964 a](#), [1966 c](#), Schedrovitsky 1966 j].

Как уже отмечалось, у каждого пояса МД есть своя специфическая действительность и между этими тремя типами действительности в принципе неверно устанавливать отношения тождества: как правило, они *отображаются друг на друга* в процессах понимания, интерпретации и рефлексии, и это может делаться каждый раз только за счет *переоформления одного в другое*. А содержание каждой из этих форм будет появляться в результате *вторичной рефлексивной фиксации* уже совершенного отображения. Но в некоторых случаях организованности содержания просто переносятся, буквально «перекладываются» из одной действительности в другую, не претерпевая при этом никаких изменений, даже изменений функционального смысла и функциональных трактовок в рефлексивном метазнании.

Поэтому всякая собственно мыслительная форма по идее должна снимать и свертывать в себе длинный и сложно организованный процесс последовательных и звездообразно стыкующихся мыслительных, рефлексивных и метамыслительных фиксаций, а понимание этой мыслительной формы предполагает обратный процесс развертывания (по сути дела, декодирования) всей этой сложной последовательности мыслительных, рефлексивных и метамыслительных преобразований.

В силу этого содержание и смыслы, выявляемые в каждой мыслительной форме за счет понимания, интерпретаций и рефлексивного анализа, определяются не только последовательными цепочками и структурами ядерной МД, которые удастся раскрыть и развернуть за каждой формой собственно мыслительного знания, но и цепочками и структурами

вторичных мыследеятельных процессов, рефлексивно охватывающих исходную ядерную структуру МД. И это опять-таки определяется процессами понимания и интерпретации, которые должны раскрыть и реконструировать (или декодировать) весь процесс мД, М, рефлексии и мета-М, фиксируемый в знаковой форме знания. Поэтому в большинстве случаев понимание чужой мысли вызывает обычно большие затруднения, буквально мучения стремящегося понять сознания и создает многочисленные расхождения в субъективных ее истолкованиях. Именно в таком контексте возникали античные теории математического доказательства и демонстрации в процессах рассуждения и все методологические теории интерпретации, или истолкования [Аристотель 1978, т. 2: 91-346].

И по этой же причине при структурной трактовке процессов интерпретации нам приходится прибегать к различным модельным описаниям анализируемой МД; в одних случаях мы помещаем базовую структуру МД в онтологическую плоскость и тогда рассматриваем составляющие ее пояса М, М-К и мД как *реальные*, в других случаях мы рассматриваем базовую структуру МД как объективное содержание той или иной вторичной структуры — мышления, рефлексии или понимания — и тогда называем М, М-К или мД *действительными*.

Три названных выше пояса МД — мД, М-К и М, — разворачивающихся согласно исходному допущению по горизонтали, связываются и одновременно объединяются в одно системное целое, с одной стороны, за счет уже указанных *процессов понимания*, а с другой — за счет *процессов рефлексии*. Процессы рефлексии охватывают и пронизывают все процессы мД, М-К и М; они могут быть представлены на схеме МД вертикальными движениями и переходами и зафиксированы в виде вертикальных связей (ср. [Разработка... 1975: 131-143], а также [Щедровицкий 1974 [d](#); Пробл. рефлексии... 1983; Рефлексия в... 1984]). *Носители рефлексии* изображаются на схеме МД зачерненными символами позиционеров, а комбинации цифр при каждом таком символе, скажем 1-3, 3-5, 6-4 и т.д., обозначают функциональное место и характер соответствующего акта рефлексии: первая цифра символизирует *рефлектируемый процесс в МД*, а вторая — тот процесс, в котором находят *форму и место для фиксации и выражения рефлексии*. Среди прочих могут быть и рефлексивные позиции типа 1-1, 3-3 и т.д., символизирующие, что форму выражения и место фиксации рефлексии ищут в том же процессе МД, который был предметом рефлексии.

Каждый из названных поясов МД, включая понимание и рефлексия, может обособляться от других и выступать в качестве относительно *автономной и самостоятельной системы*. М может формализоваться, а затем объективироваться и за счет этого целиком отрываться от рефлексии М-К и мД, элиминировать их и становится особой *мыслительной деятельностью* по разворачиванию чистых форм М, своего рода *производством знаково-знаниевых форм*, содержательных, но не имеющих смысловой связи с ситуациями М-К и практического мД (ср. [Щедровицкий

[1957 а](#), [1958 б](#), [1962 а](#), [1964 с](#), 1966 е, *Schedrovitsky* 1967 f, 1968 d; *Щедровицкий, Алексеев, Костеловский* [1960 с](#)]).

Точно так же М-К может элиминировать свои рефлексивные связи и отношения с мД и М и разворачиваться имманентно только в границах действительности М-К, превращаясь в бездеятельную и безмысленную речь, в чистую игру словами, не организующую и не обеспечивающую ни М, ни мД.

И аналогично этому может сложиться и существовать изолированное мД, оторванное от М-К и чистого М и ставшее в силу этого косным, механическим воспроизводством, лишенным всякой духовности и всех механизмов осмысленного изменения и развития. В каждом из этих случаев мы будем иметь лишь редуцированную и потому вырожденную форму мД. И сколь бы рафинированной и правильной она ни была с точки зрения существующих норм М, М-К или мД, все равно она будет оставаться бездуховной и бессмысленной с точки зрения исторических интересов мД в целом.

Можно предположить, что аналогично могут выделяться внутри мД и обособляться процессы понимания и процессы рефлексии. Первое чаще всего происходит в структурах учебной деятельности, где понимание иногда целиком вытесняет мышление или полностью сливается с ним и оформляется в виде особой и автономной *деятельности понимания* (ср. [Генисаретский 1970 а]).

Выделение и самостоятельное оформление рефлексии представляет собой уже патологический случай, когда последовательно появляются сначала рефлексия рефлексии, потом рефлексия третьего порядка, четвертого и т.д. В методологии это называется *рефлексивной возгонкой*, а в психологии и патопсихологии — *персеверацией*.

История показывает нам много примеров подобного вырождения мД и вместе с тем демонстрирует целый ряд специальных средств и методов, выработанных для того, чтобы удержать *смысловую целостность* мД в условиях, когда образующие ее пояса и процессы мД, М-К и М, а также понимания и рефлексии отделялись друг от друга и распадались на самостоятельные формы мД, терявшие свою осмысленность, а вместе с тем и духовность.

В частности, то, что мы называем «*научным предметом*» [*Щедровицкий* [1981 а](#), [1984 а](#); Разработка... 1975: 90-96]) — а он как структура и организованность мД был создан в первой половине XVII в. и наиболее ярко описан в работах Ф.Бэкона и Г.Галилея, — является не чем иным, как формой и средством соединения умозрительного философского и методологического М с реальным техническим мД, направленным на вещи окружающего нас техноприродного мира (ср. [Разработка... 1975: 90-96]). При этом из традиционного мД были взяты *опытные факты*, из философского и теологического М — *онтологические схемы и картины*, из М-К — *проблемы, задачи, знания и понятия*, к этому добавлены новые и

специфические образования — *модели и эксперимент*, обеспечившие связь традиционных форм М и М-К с техническим мД, и все это с помощью новых схем рефлексивного взаимоотображения было перестроено и соорганизовано в новые «*знаково-знаниевые машины*» МД, получившие у Галилея название «*новых наук*». Этим было положено начало новой, *предметной форме организации* МД, объединившей в рамках одной организационной единицы конструктивное и оперативное М идеализированными процессами и идеальными объектами с материально ориентированным пониманием и техническим мД. Вместе с тем было положено начало *профессиям* (в современном смысле этого слова), *инженерному делу* как соединению науки с искусством и таким непредметным связкам научных предметов, технического мД и философии, какими являются «*научные дисциплины*» [Щедровицкий [1984 а](#); Мирский 1980; Пробл. иссл. структуры... 1967].

В настоящее время эти формы предметной и дисциплинарной соорганизации М, М-К и мД и рефлексии вновь вошли в противоречие с господствующими формами технической и оргуправленческой практики, которые нуждаются в *полипредметном и полидисциплинарном, комплексном мыслительном обеспечении*. И это поставило на очередь дня задачу создания новых, более сложных и более гибких форм соорганизации М, М-К и мД, форм, которые могли бы обеспечить быстрое *распредмечивание* существующих структур МД, удерживание их смысла и содержания в непредметных (или надпредметных) знаковых формах и новое *опредмечивание* их в структурах и организованностях М, М-К и мД, соответствующих комплексам МД [Щедровицкий, Садовский [1964 а](#); Щедровицкий [1981 а](#), [1983 а](#), Schedrovitsky 1982 а, 1985 с; Щедровицкий, Котельников [1983 с](#); Мирский, 1980; Зинченко А. 1983; Комплексный... 1979].

Разработка СМД-методологии является попыткой ответить на этот запрос. Одной из созданных на ее базе форм соорганизации М, М-К и мД в целостные единицы коллективной МД являются *организационно-деятельностные игры* (ОДИ) [Щедровицкий, Котельников [1983 с](#)], другой — *организационно-технические системы* (сокращенно *ОТ-системы*) [Щедровицкий [1983 а](#)], третьей — развивающиеся во многом независимо от СМД-методологии всевозможные *классификационные и типологические формы* организации знаний и схем объектов. Правильно понять назначение и функции этих форм, а также их внутреннюю природу без развернутой и детально проанализированной схемы МД просто невозможно, и этим отчасти определяется смысл и направленность данной статьи. Чтобы пояснить этот тезис, мы разберем, хотя, конечно, только в самом общем и эскизном виде, назначение и способы организации и проведения ОДИ.

Организационно-деятельностная игра как средство деструктурирования предметных форм и способ выращивания новых форм соорганизации коллективной мыследеятельности

Собрав в одной рабочей ситуации представителей разных профессий и разных научных предметов, организатор ОДИ создает таким образом невероятно сложное «месиво» из фрагментов различных систем МД. И хотя участники ситуации могут из всех сил стремиться к взаимосогласованию и общности их работ, достичь этого без предварительной подстройки их систем МД друг к другу практически невозможно. Но поскольку участники работы тем не менее стремятся к этому единству, начинается стихийный и хаотический процесс состыковки друг с другом разных слоев и слоевых процессов из различных индивидуальных систем МД. Следствием этого являются самые разнообразные *противоречия, разрывы и конфликты* в коллективной МД. Они вынуждают участников ситуации выходить в *рефлексивные позиции* и стараться разбираться в том, что же происходит между ними. При этом первоначально используются хотя и весьма слабые, но тем не менее всегда существующие, естественно сложившиеся *способности к рефлексии и анализу*. Затем организатор вводит для фиксации результатов рефлексии чистые листы бумаги или специально маркированные доски и тем самым создает для всех участников ситуации еще одну дополнительную плоскость в организации пространства коллективной МД. Эта плоскость может маркироваться как рефлексивная в противоположность всему остальному в МД. Но она точно так же может маркироваться и другими способами, скажем, как плоскость, в которой будет изображаться сама МД коллектива в противоположность той плоскости, в которой будет изображаться общий объект коллективной МД или различные элементы предметных структур МД, в которых работают отдельные члены коллектива.

Но какие бы плоскости организации пространства коллективной МД мы ни вводили и как бы мы их ни маркировали, задавая ту или иную организацию самого этого пространства, во всех случаях начинаются анализ и разборка сложившегося «месива» коллективной МД и новая соорганизация в целое выделяемых и фиксируемых при этом ее фрагментов и элементов.

Конечно, разложение этого «месива» на элементы в принципе должно соответствовать правилам и способам последующей сборки и соорганизации их в новое целое. Но знание этих целостностей и соответствий между их композициями и декомпозициями может прийти только много позднее, после специального изучения возможных здесь целесообразных и функционально значимых целостностей и способов организации их из более мелких элементов. А пока начинается неорганизованная разборка «месива» коллективной МД на любые возможные в этих условиях фрагменты и элементы прежних предметных и непредметных структур, привнесенных участниками ситуации из своей прошлой жизни в МД. Разбирается всегда только то, что уже было раньше, и в процессе этой разборки на столкновениях и несоответствиях элементов друг другу познается МД. Идет

процесс, который в гегелевской традиции называется *распредмечиванием*, а в терминологии Тэвистокского института человеческих отношений [Латин, Пригожин 1982; Board 1977; Exploring..., 1979] — «размораживанием».

В психологическом плане этот процесс у каждого индивида происходит тем быстрее и интенсивнее, чем больше этот индивид стремится к общей работе с другими и чем острее осознает, что причина всех неурядиц и затруднений лежит прежде всего внутри него самого, в формах организации его индивидуального сознания и в освоенных им способах работы. Однако суть и подлинное содержание этого процесса совсем не в психологической сфере индивидов, а в формах организации и процессах освоенной ими МД.

Поэтому в складывающейся ситуации все системы индивидуальной МД должны быть преобразованы и перестроены таким образом, чтобы в результате удалось организовать из них эффективную коллективную МД. Но этот процесс отнюдь не сразу, а очень медленно и постепенно пробивает себе дорогу сквозь стихию неорганизованных взаимодействий различных систем МД.

Сначала, как мы уже отметили, противоречия, разрывы и конфликты в совокупной МД вынуждают участников общей работы выходить в рефлексивные позиции. Начинается сдвигка всей совокупной МД коллектива по «рефлексивным вертикалям» и одновременно — создание новых рефлексивных форм М-К, ориентированных на выявление и фиксацию причин и источников противоречий, конфликтов и разрывов в МД. На уровне М-К вся эта работа оформляется как *ситуационный анализ, целеопределение и ситуативная проблематизация* осуществляемых работ.

Параллельно со всем этим начинается уяснение культурного и социального смысла позиций и точек зрения оппонентов. Появляется интерес к их способам работы, и делаются попытки разобраться в общей структуре и основных составляющих общей МД. Однако это пока не продвигает коллектив в решении исходных заданий. Необходимость соорганизации работы всех в одно целое и адаптации М и мД каждого к этому целому осознается обычно уже к исходу третьего дня работы, в крайнем случае — к началу четвертого, но средства и методы для этого пока отсутствуют.

Для того чтобы начать сознательно и целенаправленно строить новую систему коллективной МД и перестраивать, исходя из интересов целого, ее отдельные составляющие, надо иметь *техническое представление* МД, зафиксировать в специальных технических знаниях ее структуру, социальную и культурную организацию, процедуры и операции мД и М, средства и методы работы и т.п., т.е. представить МД в виде *объекта организационно-технического действия коллектива*. А это, в свою очередь, можно сделать только в действительности М. Начинается новая рефлексивная сдвигка по вертикалям всей совокупной МД — теперь уже из пояса М-К в пояс чистого М. Коллектив ищет *новые схематизмы, новые знаковые формы* для того, чтобы представить теперь уже в объективно

ориентированной форме ситуацию коллективной МД. Сначала не очень понятно, какую — игровую или социокультурную; в действительности М различие между ними на первых порах стирается, и, чтобы удержать его, нужна специальная техника понимания схем и работы с ними. Как только появляются первые схемы для фиксации и представления ситуаций, ситуационный анализ переходит в *анализ ситуаций* (теперь уже как *искусственных или естественных объектов*, а не как рамок и условий коллективной МД).

Вместе с тем появляется характерная для *методологического М* возможность двойной работы со схемами — *объектно-онтологической и оргдеятельной* (см. [Комплексный... 1979, ч. II: 121-126]). Плоскости листа бумаги или доски становятся уже недостаточно, чтобы в действительности М зафиксировать и отобразить это многообразие способов работы с одной схемой. Приходится вводить *многомерную пространственную форму* для разделения и соорганизации разных действительностей в едином процессе М и в сложной полилогической М-К, обеспечивающей его.

Попытки собственно мыслительного анализа и представления МД различных участников общей работы, начавшиеся еще в фазе конфликтов и противоречий на уровне М-К, заставляют вводить все новые и новые *планы представления* МД и размещать их в разных плоскостях пространственно организованной действительности М о МД; так в схемах МД появляются отдельные плоскости *ценностей, целей, средств и методов работы, процедур и технологий, предметного и объектно-онтологического содержания* и т.д. и т.п. Многие из этих плоскостей оказываются ортогональными друг к другу, и это дает возможность чисто композиционно и конструктивно развертывать новые комплексированные системы МД.

Таким образом, выйдя в действительность М о МД, участники коллективной работы начинают *проектировать и программировать* свою будущую МД, изменять и трансформировать самих себя как мыслящих, коммуницирующих и мыследействующих. Двигаясь в различных плоскостях пространственно организованных представлений о МД, они определяют различные аспекты и планы своей МД и соотносят их друг с другом, выбирая допустимые и эффективные в данных условиях комбинации.

Вся эта работа осуществляется в *распредмеченных формах* М — *ситуационных, таблично-типологических, структурно-функциональных* и т.п. — и принадлежит сфере не научного, а собственно методологического М, развивающегося в своем формальном содержании над *предметами* и *проходящего как бы сквозь них* (ср. [Щедровицкий 1981 а, Schedroviitsky 1982 а, 1985 с]). На этом этапе и в этом процессе участники ОДИ осваивают, с одной стороны, уже существующие средства, методы и технологии методологического М, а с другой — создают новые его средства, методы и технологии или, во всяком случае, демонстрируют те лакуны и «дыры», для которых эти средства, методы и технологии необходимо создавать. За счет этого методологи-исследователи в каждой ОДИ неизменно получают свой

опытно-практический и экспериментальный материал в отношении современных, наиболее развитых форм исследовательского и проективного М.

Однако в ОДИ дело не заканчивается этим. Все программы МД, созданные в поясе чистого распределенного М, все вновь спроектированные структуры М-К и мД должны быть тут же реализованы; участники игры как бы «примеривают» их в своей коллективной работе и начинают создавать новый практический опыт МД. Благодаря этому оргпроекты и программы новых комплексных систем МД получают экспериментальную проверку (в условиях игровой имитации) на взаимосогласованность, эффективность, надежность и устойчивость в различных социокультурных окружениях. Системы МД, оправдавшие себя, закрепляются в виде образцов и нормируются, а не оправдавшие — либо отбрасываются, либо же распределечиваются и развиваются дальше в тех же самых рефлексивных циклах на последующих фазах работы.

Таким образом, ОДИ оказывается не просто еще одной частной формой организации чистого методологического М или М-К, а новой формой организации МД в целом, особой *единицей практической системы* МД, органически связывающей М, М-К и мД в структурах такого рода, которые обеспечивают постоянное и непрерывное развитие систем МД, а вместе с тем изменение и трансформацию всего используемого в данном случае техноприродного или антропологического и социокультурного материала.

В формах ОДИ может быть организована и осуществлена разнообразная по характеру и сложности коллективная МД. Иначе говоря, ОДИ — это такая форма организации коллективной МД, в которой может быть воплощено (представлено, оформлено, проимитировано) различное МД-содержание. При этом, конечно, оно будет лишь *проигрываемым содержанием*, слабо нормированным, пластичным и лабильным. Но это как раз и есть то, ради чего мы обращаемся к самой игре как особому типу и особой форме организации МД.

Заключение

По нашему мнению, схема МД несет в себе совокупность принципов, определяющих правильный подход в исследовании всех явлений, связанных с мышлением и деятельностью.

Прежде всего она утверждает органическую, неразрывную связь всякого действия и всякой деятельности с подготавливающими их мыслительными и коммуникативно-смысловыми процессами. С этой точки зрения сами выражения «деятельность» и «действие», если оставить в стороне определение их через схемы воспроизводства, выступают как выражения чрезвычайно сильных идеализаций, чрезмерных редукций и упрощений, которым в реальности могут соответствовать только крайне редкие искусственно созданные и экзотические случаи. В реальном мире

общественной жизни деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение «мыследеятельность», которое больше соответствует реальности и поэтому должно заменить и вытеснить выражение «деятельность» как при исследованиях, так и в практической организации.

Вместе с тем то, что по традиции было принято называть «мышлением», разделяется на две принципиально разные составляющие — «мысль-коммуникацию» и «чистое мышление», каждая из которых живет в своем особом процессе и имеет свои особые механизмы (ср. [Разработка... 1975: 169-174]). Эти составляющие существуют реально, как правило, вместе и в сложных переплетениях с другими составляющими мыследеятельности — процессами понимания, рефлексии и мыследействия и в структуре целостной мыследеятельности. Поэтому любой из этих процессов должен рассматриваться прежде всего по своим функциям в мыследеятельности и относительно всех других процессов. Анализ чистых и автономных процессов мысли-коммуникации, понимания, рефлексии, мышления и мыследействия, как это делалось обычно до сих пор, не может привести к успеху. Эффективным здесь может быть только специфический системный анализ целого (ср. [Разработка... 1975: 72-119]), при котором все названные выше процессы рассматриваются как частичные и образующие подсистемы внутри полисистемы мыследеятельности.

Наконец, схема мыследеятельности должна рассматриваться не как схема-модель какой-либо реальной системы, а как схема идеальной сущности, предназначенная служить теоретическим основанием для выведения из нее различных других схем: с одной стороны, моделирующих различные конкретные системы мыследеятельности, а с другой — удовлетворяющих названным выше принципам.

Поэтому основной задачей теоретической работы на базе предложенной схемы МД становится построение системной типологии различных производных систем МД, получаемых из базовой схемы путем *системной фокусировки* и *системной редукции* ее, а соответствующей задачей методологии системного анализа — выявление и описание процессов и процедур подобной работы.

Литература

Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М., 1985.

Аристотель. Соч. М., 1978. Т. 2.

Генисаретский О.И. Опыт методологического конструирования моделей общественных систем // Моделирование социальных процессов. М., 1970.

Генисаретский О. И. Проблема смысла в содержательно-генетической логике // Методология и логика науки. М., 1966.

Головняк В.В. Комплексирование оптимизационных, имитационных и логико-лингвистических моделей в автоматизированных системах

- управления летательным аппаратом // Вопросы кибернетики. М., 1986. Вып. 121.
- Зинченко А.П.* Игровая форма межпрофессионального обсуждения градостроительных проблем // Строительство и архитектура. 1983. № 8. Искусство решения проблем. М., 1982.
- Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы. Свердловск, 1979. Ч. I., Ч. II.
- Латин Н.И., Пригожин А.И.* «Социальные инновации» — новое направление в организационной психологии на Западе // Психологический журнал, 1982. Т. 3. № 5.
- Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. М., 1965.
- Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Семиотика и восточные языки. М., 1967.
- Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980.
- Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.
- Проблемы исследования структуры науки. Новосибирск, 1967.
- Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983.
- Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектирование (теория и методология). М., 1975.
- Рефлексия в науке и обучении. Тез. докл. и сообщ. к науч.-метод. конф. 12—14 нояб. 1984 г. Новосибирск, 1984.
- Сазонов Б.В.* Деятельностный подход к инновациям//Социальные факторы нововведений в организационных системах. М., 1980.
- Швырев В.С.* К вопросу о путях логического исследования мышления // Докл. АПН РСФСР. 1960. № 2.
- Щедровицкий Г.П.* Проблемы методологии системного исследования. М., 1964. 52 с.; General Systems. 1966. Vol. XI. P. 27-53.
- Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я.* Проблема объекта в системном проектировании // Методология исследования проектной деятельности: Всесоюз. науч. конф. «Автоматизация проектирования как комплексная проблема совершенствования проектного дела в стране». 22—24 мая 1973 г. М., 1973. Сб. 2.
- Щедровицкий Г.П.* «Естественное» и «искусственное» в развитии речи языка // Материалы Всесоюз. конф. по общ. языкознанию: Основные пробл. эволюции яз. 8—16 сент. 1966. Самарканд, 1966. Ч. 1.
- Щедровицкий Г.П.* «Языковое мышление» и методы его исследования//Вопросы языкознания. 1957. № 1.
- Щедровицкий Г.П.* Заметки о мышлении по схемам двойного знания // Материалы к симпозиуму по логике науки. Киев, 1966.

- Щедровицкий Г.П.* К анализу исходных принципов и понятий формальной логики // *Философ, исслед.*: Тр. Болгар, акад. наук, 1966. Systematics, vol. 5, 1967, N 2 и General Systems, vol. XIII, 1968,
- Щедровицкий Г.П.* Коммуникация, деятельность, рефлексия // *Исследование рече-мыслительной деятельности*. Алма-Ата, 1974.
- Щедровицкий Г.П.* Методологический смысл проблемы лингвистических универсалий // *Языковые универсалии и лингвистическая типология*. М., 1969.
- Щедровицкий Г.П.* О методе семиотического исследования знаковых систем // *Семиотика и восточные языки*. М., 1967.
- Щедровицкий Г.П.* О принципах анализа объективной структуры мыслительной деятельности на основе понятий содержательно-генетической логики // *Вопросы психологии*. 1964. №2.
- Щедровицкий Г.П.* О различии исходных принципов и понятии формальной и содержательной логики // *Методология и логика наук*. Томск, 1962.
- Щедровицкий Г.П.* О системе педагогических исследований (методологический анализ) // *Оптимизация процессов обучения в высшей и средней школе*. Душанбе, 1970.
- Щедровицкий Г.П.* О типах знаний, получаемых при описании сложного объекта, объединяющего «парадигматику» и «синтагматику» // *Актуальные проблемы лексикологии: Докл. лингвист. конф.* Томск, 1971. Ч. 1.
- Щедровицкий Г.П.* Об исходных принципах анализа проблемы обучения и развития в рамках теории деятельности // *Обучение и развитие: Материалы к симпозиуму*. М., 1966.
- Щедровицкий Г.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной мыследеятельности // *Методы исследования, диагностики и развития международных трудовых коллективов*. М., 1983.
- Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // *Системные исследования*. М., 1981.; General Systems. Vol. XXVII, 1982, и Systems Research, II. Methodological Problems. Pergamon Press, 1985.
- Щедровицкий Г.П.* Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // *Системные исследования*. М., 1975.
- Щедровицкий Г.П.* Синтез знаний: проблемы и методы // *На пути к теории научного знания*. М., 1984.
- Щедровицкий Г.П.* Смысл и значение // *Проблемы семантики*. М., 1974. С. 76 —111.
- Щедровицкий Г.П.* Строение атрибутивных знаний. Сообщ. I–VI // *Докл. АПН РСФСР*. 1958: №1, №4; 1959: №1, № 2, № 4; 1960: № 6.
- Щедровицкий Г.П.* Цели и продукты терминологической работы (методологические заметки о процессах становления

- терминологической деятельности) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972.
- Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г. и др.* Принцип параллелизма формы и содержания, мышления и его значение для традиционных логических и психологических исследований. Сообщ. I–IV // Докл. АНП РСФСР. 1960: № 2; № 4; 1961: № 4; № 5.
- Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г.* О возможных путях исследования мышления как деятельности // Докл. АН РСФСР. 1957. №3.
- Щедровицкий Г.П., Котельников С.И.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации и метод развития коллективной мыследеятельности // Нововведения в организациях: Тр. семинара. М., 1983.
- Щедровицкий Г.П., Розин В.М.* Концепция лингвистической относительности Б. Л. Уорфа и проблемы исследования «языкового мышления» // Семиотика и восточные языки. М., 1967.
- Щедровицкий Г.П., Садовский В.Н.* К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщ. I–III // Нов. исслед. в педагог. науках. 1964, 1965.
- Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г.* Заметки к определению понятий «мышление» и «понимание» // Мышление и общение: Материалы Всесоюз. симпоз. Алма-Ата, 1973.
- Юдин Э.Г.* Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопросы философии. 1976. № 5; а также: Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- De Board R.* The psychoanalysis of organizations. J. Tavistock. 1977. Рус. пер.: Вцп, М.— 07879.
- Exploring individual and organizational boundaries. A Tavistock open systems approach/ Rd. W. G. Lawrence. Chichester, 1979.
- Schedrovitsky G.P.* Configuration as a method of construction of complex knowledge // Systematics. 1971. Vol. 8, N 4.
- Stschedrowltzki G.P.* Die Struktur des Zeichens: Sinn und Bedeutung — Ideen des exakten Wissens // Wissenschaft und Techn. Sowjetunion. 1972. N 12.